

Р. И. Сементковский

**Михаил Катков. Его жизнь и
публицистическая
деятельность**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Р. И. Сементковский

Михаил Катков. Его жизнь и публицистическая деятельность / Р. И. Сементковский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-3440-1

Биографические повествования о людях, сыгравших важную роль в мировой истории — философах, художниках, государственных и общественных деятелях, ученых, полководцах и др. — за период с VII в. до н. э. (Будда, Конфуций) до конца XIX в. (Золя, Ротшильды). Биографии написаны в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования по заказу известного русского издателя Ф.Ф.Павленкова и опубликованы его издательством в период 1890-1915 гг. в виде отдельных брошюр под общим названием "Жизнь замечательных людей".

ISBN 978-5-4241-3440-1

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Р. И. Сементковский
Михаил Катков. Его жизнь и
публицистическая
деятельность

*Биографический очерк Р. И. Семент-
ковского
С портретом Каткова, гравирован-
ным в Лейпциге Геданом*

Введение

Михаила Никифоровича Каткова, бесспорно, следует признать самым известным из русских публицистов. Не только в России, но далеко за ее пределами, в течение двадцати четырех лет постоянно говорили о Каткове, читали и обсуждали его статьи. В этом отношении наряду с ним может быть поставлен разве только И. С. Аксаков. Но публицистическая деятельность последнего по разным причинам часто прерывалась на более или менее продолжительное время; голос же Каткова за все это время раздавался почти беспрерывно и притом так громко, что как у нас, так и за границей к нему внимательно прислушивались всякий раз, когда пульс русской государственной и общественной жизни бился ускоренно.

Известность, однако, бывает различная, смотря по тому, достигается ли она положительно или отрицательно деятельностью. Сама по себе она не может еще считаться доказательством выдающихся заслуг. Чтобы уяснить себе значение того или другого публициста, надо разобраться в его деятельности, подвергнуть ее тщательному анализу. Современники относились к покойному Каткову весьма различно. Одни признавали его заслуги перед Россией громадными; другие столь же решительно заявляли, что он, кроме вреда, ничего не принес. Стоит только вспомнить эпитеты, которые присваивались Каткову при его жизни или тотчас после смерти, чтобы понять, какой противоречивой оценке он подвергался. Одни называли его «создателем русской публицистики», «борцом за русскую правду», «носителем русской государственной идеи», «кустановителем русского просвещения», «столпом русского и славянского самопознания», «златоустом-апостолом величия и славы России», «русским палладиумом», «грозою Германии и Англии», «русскими Фермопилами». Другие давали ему насмешливые и презрительные клички: «громовержец Страстного бульвара», «будочник русской прессы», «жрец мракобесия», «проповедник сикофанства», «московский Менцель» или даже «герцог Альба»¹. Но даже если не останавливаться на этих эпитетах, содержащих очевидное преувеличение отрицательных или положительных сторон деятельности Каткова, другими словами, если иметь в виду только более или менее обоснованные суждения современников о московском публицисте, то и в таком случае надо будет признать, что деятельность Каткова оценивалась в двух диаметрально противоположных направлениях. «Дивное поистине зрилище! – говорил в надгробном слове московский митрополит Иоанникий при отпевании покойного Каткова. – Человек, не занимавший никакого видного высокого поста, не имевший никакой правительственный власти, делается руководителем общественного мнения многомиллионного народа; к голосу его прислушиваются и иностранные народы и принимают его в соображение при своих мероприятиях. Редко кому выпадала на долю такая завидная участь!... «Церковь и общество, государство и семья, наука и искусство, – присовокуплял другой проповедник, – все, все стороны человеческой жизни и деятельности охватывал он своим орлиным зорким взглядом, оценивал, определял и устраивал своим гениальным умом, обо всем болел своею великою душою. Его взглядом дорожили сильные мира сего; к его слову прислушивались правители народные; его душа обаяла всех истинно русских людей».

С другой стороны, мы читаем в некрологе, посвященном «Вестнику Евро-

пы» покойному публицисту: «Совершенно правы те, кто называет Каткова отрицателем по преимуществу... Это еще не значит, чтобы в отрицании заключалась его сила... Критика Каткова стоит разве немногим выше его положительного учения; его отрицание не только бесплодно, оно бессильно... Искусственное единодушие, вынужденное согласие, организованное лицемерие – вот чего хотел Катков... Сложилась целая легенда, приписывающая ему честь удержания Царства Польского за Россией... Как и всякая другая легенда, она не устоит перед судом истории... Говорили, что Катков много сделал для русской печати, что он поднял ее на небывалую высоту, дал ей небывалое значение. Более ошибочного мнения нельзя себе представить».

Независимо от этой противоречивой оценки современников, обыкновенный суд над московским публицистом затрудняется еще тем, что он сам отличался изумительною неустойчивостью в своих воззрениях. Он с одинаковою внешней страстью защищал и либеральные, и консервативные воззрения, отстаивал широкое участие общественных сил в государственной жизни и отвергал это участие, высказывался за сильную центральную власть и дискредитировал главные ее органы, издавался над сторонниками национального принципа и сам выступал его страстным поборником, превозносил суд присяжных и глумился над ним; громил и фритредеров², и протекционистов, проповедовал союз с Францией и отвергал его, видел в Бисмарке нашего вернейшего друга и злейшего врага. При такой изменчивости его основных взглядов нельзя прикладывать к нему обычной мерки. Его деятельность в этом отношении не выдерживает даже снисходительной критики. Если руководствоваться исключительно его статьями, то можно только прийти к выводу, что их писал человек малоподготовленный и неспособный к зрелому обсуждению государственных и общественных вопросов, а громкая известность Каткова представится нам явлением совершенно загадочным. Только в связи с обстоятельствами его жизни и с общими условиями, в которые поставлено наше отчество, эта загадка может быть разрешена. Б отнесении Каткова, более чем в отношении какого бы то ни было публициста, можно сказать, что очерк его деятельности должен совпадать с очерком его жизни. Поэтому мы рассмотрим его публицистические работы в связи с обстоятельствами его жизни, придерживаясь хронологического порядка и избегая всяких суждений, не основанных на точном и проверенном фактическом материале. Факты в данном случае лучше и полнее всяких слов объяснят нам истинное значение Каткова.

Глава I

Молодость Каткова. – Его первые литературные работы.

К своей публицистической деятельности Катков приступил очень поздно, а именно: в начале шестидесятых годов, когда ему было уже более 40 лет. Собственно редактировать «Московские ведомости» он начал в 1851 году, но о широкой публицистической деятельности в то время, по цензурным условиям, еще и речи быть не могло; да и сам Катков не решался приступить к ней. Только со времени основания «Русского вестника» (1856) относятся его первые слабые попытки приступить к обсуждению политических вопросов. Но независимо от цензурных условий неподготовленность самого Каткова к разработке вопросов внутренней и внешней политики служила в этом отношении препятствием, так что публицистическая роль Каткова остается весьма незаметной, и только в шестидесятых годах, в особенности же в 1863 году, когда Катков окончательно принял на себя редактирование «Московских ведомостей», он обращает общее внимание как публицист. «Русский вестник» приобрел известность и популярность благодаря сотрудничеству выдающихся литературных сил (Тургенева, Толстого, Салтыкова и др.); «Московские ведомости» привлекали к себе общее внимание благодаря статьям самого Каткова.

Мы указываем на этот поздний расцвет публицистического дарования Каткова, чтобы выяснить одно обстоятельство, чрезвычайно важное для правильной оценки его деятельности. Все биографические сведения о Каткове сходятся в том, что он начал интересоваться государственными науками только с 1858 года, т. е. на 41-м году жизни. До того времени никто в нем и не подозревал публициста. Когда Катков приступал к основанию «Русского вестника», такой компетентный судья, как Грановский, высказал решительное сомнение, чтобы Катков и его товарищ Леонтьев могли успешно и со знанием дела обсуждать политические вопросы. Этот взгляд вполне разделили сотрудники самого «Русского вестника». Да и действительно, стоит только бросить взгляд на всю предшествующую жизнь Каткова – и мы убедимся, что политическими вопросами он не интересовался и к обсуждению их не был подготовлен.

Лишившись очень рано отца, мелкого чиновника, он был помещен матерью своею, урожденной Тулаевой³, в Преображенский сиротский институт; оттуда он был переведен в Первую московскую гимназию, а затем в славившийся в то время пансион известного профессора Павлова, где и окончил гимназический курс 17-ти лет в 1834 году. В том же году Катков поступил в Московский университет на словесное отделение. Через четыре года, в 1838 году, он окончил университетский курс кандидатом с отличием. Из тогдашних профессоров наиболее популярен был известный критик Надеждин, читавший теорию изящных искусств и логику, и Павлов, читавший физику и теорию сельского хозяйства, но перемешивавший изложение этих предметов разными философскими теориями, главным образом философией Гегеля и Шеллинга. Как Надеждин, так и Павлов увлекались Шеллингом, и это увлечение передавалось их слушателям. Таким образом, молодой Катков по обязанности занимался филологией, а увлекался философией, чему многое содействовало общее настроение тогдашней молодежи. Как известно, в то время русская молодежь бредила Гегелем и Шеллингом;

увлечение Францией заменилось увлечением германскою наукою и германскою поэзией. Белинский, Грановский, Герцен, Огарев, К. Аксаков, Самарин, Буслаев, Кудрявцев, Кавелин, Тургенев, Кольцов – все эти видные деятели русской литературы или науки либо получили в то время образование в Московском университете, либо примкнули (в том числе даже Огарев со своими друзьями) к кружку, душою которого первоначально был Станкевич, а потом Белинский и члены которого занимались главным образом обсуждением и изучением немецкой философии. К этому кружку присоединился и Катков, хотя он был моложе многих его членов и, следовательно, не мог играть в кружке сколько-нибудь видную роль. Ближе всего он сошелся с Белинским и Бакуниным, особенно с последним.

Немецкою философией увлекались все члены кружка. Увлечение это доходило до того, что «у них отношение к жизни, к действительности, сделалось школьное, книжное, что, например, человек, который шел гулять в Сокольники, не просто гулял, а отдавался пантеистическому чувству своего единства с космосом, и если ему попадался по дороге солдат под хмельком или баба, вступавшая в разговор, философ не просто говорил с ними, но определял субстанцию народности в ее непосредственном и случайном проявлении. Слеза, навертывавшаяся на глаза, также строго относилась к своей категории – к трагическому в сердце». Все споры, пререкания, размолвки между тогдашнею молодежью имели своим предметом все ту же немецкую философию или вызывались ею. Она не только живо интересовала умы, но и составляла основание всего миросозерцания молодежи. Участвовать в государственной или общественной жизни было тогда немыслимо. Таким образом создалась искусственная атмосфера, которою дышала молодежь. Само собою разумеется, что по мере того как молодежь приходила в соприкосновение с действительностью, идеалы, почерпнутые из немецкой философии, должны были постепенно видоизменяться. Впечатления, почерпнутые до университетской жизни, также оказывали свое действие. Наконец, и характер данного лица, его нравственные начала должны были повлиять в этом отношении. Только таким образом можно себе объяснить, что из московских кружков Станкевича и Белинского вышли люди столь различного направления, как Белинский, К. Аксаков, Герцен, Катков. Чтобы понять, как одно дерево могло дать столь различные ростки, надо вдуматься в жизнь каждого из этих выдающихся деятелей, проследить влияние, которому они подвергались в раннем возрасте, и вникнуть в обстоятельства их дальнейшей жизни. Умственный интерес был одинаково возбужден у всех членов этих кружков и на первый случай находил себе удовлетворение в той приподнятой умственной и нравственной жизни, которая царила в Московском университете во второй половине 30-х годов, в блестящую Строгановскую эпоху.⁴ Отвлеченные идеалы и теории Гегеля и Шеллинга не могли не произвести сильного впечатления на юношеский, мало затронутых требованиями практической жизни. Но по мере того, как эта жизнь вступала в свои права, теории и идеалы немецких философов бледнели. Приходилось считаться с конкретными условиями, избрать определенную деятельность. Нравственная атмосфера, которою дышали члены кружков, согрела многих из них на всю жизнь: она, вероятно, немало содействовала появлению таких светлых и идеальных личностей, какими были некоторые из русских деятелей, вышедшие из этих кружков. Но и наиболее светлые из них, как, например,

незабвенный Белинский и К. Аксаков, далеко разошлись в своих воззрениях, а другие, не будучи в нравственном отношении такими стойкими, подчинились в своей деятельности влияниям, не имевшим ничего общего с тем или другим миросозерцанием. К числу последних принадлежит и Катков.

Он довольно тесно примкнул к кружку Белинского и долгое время шел с ним как бы рука об руку. Он был деятельнейшим сотрудником «Московского наблюдателя» в пору, когда этот журнал редактировался Белинским. Вместе с ним он начал сотрудничать и в «Отечественных записках» Краевского, т. е. перенес литературную деятельность из Москвы в Петербург. В чем заключалось сотрудничество Каткова в этих двух изданиях? Чем была тогда занята его мысль? Он был в восторге от эстетики Гегеля и так хорошо усвоил себе его учение, что, как пишет Белинский, разбивал в прах тогдашние теории нашего знаменитого критика, впрочем знакомившегося с Гегелем, по незнанию немецкого языка, как известно, из вторых рук. Катков же знал прекрасно не только немецкий, но и французский, и английский языки. Может быть, поэтому Белинский чрезвычайно дорожил его обществом. Но, кроме философии, Катков занимался еще и поэзией. Особенное пристрастие он питал к Гейне, Гофману, отчасти Шекспиру. Сотрудничество его в «Наблюдателе» выразилось, главным образом, в переводах из этих писателей, — переводах, надо сказать, довольно неудачных. Так, например, последняя строфа знаменитого стихотворения Гейне «К матери» звучит в катковском переводе так:

Больной, назад я путь поворотил,
Пришел домой, и мать меня встречала.
И то, чего душа моя алкала, —
Любовь, любовь в глазах ее сияла.

Столь же неудачны переводы из «Ромео и Джульетты»:

О, продолжай, мой светлый ангел! Ты
Над головой моей средь ночи блещешь
В такой же славе, как посланник неба
Пред взорами смущенныхми людей,
Которые, упав на землю навзничь,
На дивного посла взирают в страхе...

Спрашивается, вызывались ли эти переводы внутреннею потребностью Каткова или только желанием зарабатывать на хлеб литературным трудом? В то время материальные обстоятельства Каткова были незавидны. Он должен был содержать себя, мать и младшего брата, а денежных средств не было никаких. Но не подлежит сомнению, что Катков искренно увлекался как философией, так и поэзией. В литературных воспоминаниях Панаева рассказал случай из жизни Каткова, вполне подтверждающий искренность его увлечения поэзией. В то время он зачитывался Гофманом и до того увлекся этим писателем, что хотел непременно попасть в погребок (Weinkeller), играющий большую роль в произведениях знаменитого немецкого рассказчика, и пригласил Панаева посетить такое заведение. Когда же Панаев отказался, разъяснив Каткову, что в Петербурге погребков на немецкий лад не существует, Катков сердечно рассердился и два дня дулся на Панаева. Кроме того, известен факт, что Катков в то время любил декламировать стихи, сопровождая декламацию усиленными телодвижениями, закатыванием глаз, выкрикиваниями и завыванием. Наконец, искренность его

увлечения германской философией и поэзией выразилась в том факте, что он, будучи лишен всяких средств к существованию, предпринял поездку за границу и прожил около двух лет в Германии в самом бедственном положении.

Тут мы встречаемся уже с другою чертою характера молодого Каткова. В нем, несомненно, был большой запас энергии, производивший сильное впечатление на его товарищев. В университете он занимался прекрасно. Его ответы на экзаменах обращали на себя общее внимание. Новички-студенты, как передает г-н Любимов, ходили слушать, «как отвечает Катков». Их к этому, впрочем, поощрял и тогдашний инспектор, известный Нахимов. «Что болтаетесь? – говорил он студентам. – Пойдите послушайте, как Катков отвечает». Тогда уже ставший попечителем, граф Строганов обратил особенное внимание на Каткова. По окончании университета он, несмотря на затруднительное материальное положение, на необходимость заниматься литературою, чтобы прокормить себя, мать и брата, через год сдал магистерский экзамен, а когда ему улыбнулось счастье, и он получил от Краевского приглашение участвовать в «Отечественных записках» (в том же году), то с редкою энергию принялъ за литературный труд. Начал он с перевода статьи Варнгагена фон Энзе о Пушкине; затем следовали статьи «О русских народных песнях», об «Истории древней русской словесности» Максимовича, о сочинениях графини Сарры Толстой. Кроме того, он продолжал заниматься переводами из Шекспира и Гейне (перевел «Ромео и Джульетту» и «Рэдклифа»), вел чрезвычайно деятельно библиографический отдел в журнале, и поэтому Белинский мог с полным основанием писать в 1840 году, что «Отечественные записки» существуют трудами только трех людей: Краевского, Каткова и самого Белинского. Во всех этих статьях, понятно, никакой особенной эрудиции 22-летний Катков проявить не мог. Самые значительные из них – статьи о народных песнях и о Сарре Толстой. Первая из них написана по гегелевскому шаблону, но в ней заметна уже одна струя позднейшей катковской деятельности, именно: национальная. «Солнце, – восклицает молодой Катков, – озарило дивное зрелище, озарило дивную монархию, какой еще не видело человечество. Откуда, как возникла она? Каким чудом так внезапно, так неожиданно из хаоса и мрака явился этот исполинский организм, атлетически сложенный, раскидавшийся своими мощными членами во все концы мира? Каким чудом вдруг без труда и развития сочленилось и образовалось это ужасающее своим громадным объемом целое, проникшее собою с беспримерно силою все свои части, до бесконечности разнородные, и связывающее их в неразрывном единстве государства, предназначеннаго свыше управлять кормою человечества?» Конечный вывод статьи тот, что русскую историю следует разъяснить философским путем и что одним из самых важных источников подобного разъяснения является народное песнетворчество. Однако в своей статье о народных песнях Катков, по недостатку эрудиции, понятно, не изучил их, а ограничился общими положениями в духе немецкой философии. В статье о сочинениях графини Сарры Толстой (известной, воспетой Жуковским семнадцатилетней поэтессы, впадавшей в экстазы и ясновидение) Катков дал волю своему тогдашнему поэтическому настроению и, в общем, пришел к выводу, что в подобном состоянии человек иногда вернее прозревает истину, чем при помощи хладнокровно взвешивающего ума. Он говорит, что мы со всех сторон окружены чудесами, и предается следующим поэтическим излияниям, которые мы приводим как свидетельство

его тогдашнего поэтического настроения и стиля: «Таинственный ужас объемлет душу в час полуденного затишья, когда природа, переполненная обременительными силами, будто ждет кого-то и не дождется, в дремучем сумраке леса деревья с вопросом помахивают своими махровыми вершинами; в чудном шуме, в котором сливаются фантастический шелест листвьев и говорочных насекомых, слышится вздох, и непонятною грустью подернуты спящие воды... Обаяние ли это призраков, болезнь мечтательной души или полусумрачное откровение высшей действительности, мерцание иной жизни?»

Эти две статьи обратили на себя общее внимание и доставили только что достигшему гражданско-совершенолетия Каткову громкую известность. Белинский пророчил молодому литератору большую будущность. «Я вижу в нем, — писал он В. Боткину, — великую надежду науки и русской литературы. Он далеко пойдет, далеко, куда наш брат и носу не показывал и не покажет». Вообще, Катков производил сильное впечатление на своих товарищей. Они удивлялись его способностям, в особенности его сильному и решительному характеру. Может быть, именно это обстоятельство, более чем достоинство его литературных произведений, действовало на его сверстников. У Каткова в то время произошла ссора с Бакуниным, распустившим про него какую-то сплетню, в которой была замешана женщина. В квартире Белинского состоялась встреча двух противников; произошла перебранка, кончившаяся тем, что Катков оскорбил Бакунина действием. «Я в первый раз, — пишет по этому поводу Белинский, — увидел, что такое мужчина, достойный любви женщины». По этому поводу должна была произойти дуэль, которая, однако, по малодушию Бакунина, не состоялась. Двадцать четыре года спустя Катков имел известное столкновение с гласными московской городской думы, в частности с Гончаровым, братом жены Пушкина, состоявшим тогда старшиною дворянского сословия в думе. Тут Катков повел дело так, что на дуэль вышел не он, а его друг и товарищ Леонтьев. Но в молодости Катков был — как видно из всех приведенных нами фактов — решительным и энергичным человеком.

Литературный успех, видимо, вскружил ему голову. «Он вел себя со всеми нами, — пишет Белинский В. Боткину, — как гениальный юноша с людьми добродушными, но недалекими, и сделал мне несколько грубостей и дерзостей, которые мог снести только я, но которые нельзя забыть и о которых расскажу тебе при свидании. Панаеву с Языковым тоже досталось порядочно за то, что они не знали, как лучше выразить ему свое уважение и любовь... В нем бездна самолюбия и эгоизма, — пишет дальше Белинский в том же письме. — Этот человек как-то не вошел в наш круг, а пристал к нему... Самолюбие ставит его в такие положения, что от случайности будет зависеть его спасение или гибель, смотря по тому, куда он повернется, пока еще есть время поворачивать себя в ту или другую сторону». Вообще, Катков плохо ладил со своими товарищами. Он со всеми ссорился, и все на него жаловались; но в то же время все видели в нем какую-то нарождающуюся силу.

Его энергия, равно как его увлечение философией и поэзией, выразились и в его заграничной поездке, состоявшейся в конце 1840 года. Чтобы заручиться средствами на эту поездку, он перевел вместе с Панаевым один из куперовских романов. Рассчитывал он, кроме того, на гонорар за перевод «Ромео и Джулетты». Но его надежда сбылась лишь отчасти и, как рассказывает Панаев в своих